

Юлия Остапенко

СТИГМАТЫ

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Владимировна Остапенко

СТИГМАТЫ

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156658*

Аннотация

«Жизнь нас ничему не учит; так говорят, но какая же это глупость.

Сегодня очень чистое небо. Надо сказать, редкость для этих мест: ни облачка, не говоря уж о тучах. Солнца, впрочем, тоже нет, но как раз это неудивительно. Здесь его никогда не бывает...»

СТИГМАТЫ

Не знаю, кто как, а я всегда пишу под музыку. Самую разную, иногда даже всё равно какую именно. Очень многие мои рассказы без музыки получились бы совсем другими. Но иногда появляются такие, которых без музыки не было бы вовсе. Которые просто выросли из неё, и каждый звук стал образом, а мелодия – историей.

Три рассказа из этой подборки обязаны своим появлением на свет Наталье Николаевой, более известной как Хелависа. «Погибель моя» выросла из её песни «Королева»; «Смола» – из «Горца»; «Стигмат» не было бы без «Лорда Рэндала». В первых двух случаях самые важные для меня слова вынесены в эпиграф, в «Стигматах» я вплела текст песни в ткань рассказа, и, надеюсь, это покажется оправданным. Я придумала всё это под песни Хелависы, писала под её песни, жила под её песни. И мне хотелось, чтобы, читая эти рассказы, вы слышали эти песни. Даже если у вас нет записей. Это единственное, чем я могу её отблагодарить.

Жизнь нас ничему не учит; так говорят, но какая же это глупость.

Сегодня очень чистое небо. Надо сказать, редкость для этих мест: ни облачка, не говоря уж о тучах. Солнца, впрочем, тоже нет, но как раз это неудивительно. Здесь его никогда не бывает.

Я выхожу во двор, на ходу поднимаю воротник плаща, по-прежнему смотрю на небо. Странное небо, до чего же странное. Нет, я уже давно перестал воспринимать подобные мелочи как счастливое предзнаменование. Смешно, раньше я любую ерунду принимал за благоприятный знак. Не сразу, конечно: только когда здешняя зараза въелась в меня до мозга костей. Чёрт, да тут ведь все верят в предзнаменования. И, что характерно, только в хорошие. Они зерно сеют, только если его чёрная курица поклюёт. Я как-то спросил мамашу Эклиф, отчего так, а она только плечами пожала. Понятное дело: сила привычки. Вот и со мной так же. С чего я взял, что ясное небо – это хорошо? Может, потому что это бывает нечасто? Ну хоть изредка, хоть время от времени можно давать мне шанс? Настоящий шанс, а не ту иллюзию, которой ты пичкаешь меня уже... не надо, не надо, прекрати, я не знаю, *какой* уже год.

Так о чём это я? Жизнь нас ничему не учит? Чушь. Она учит тому, что мы никогда не захотим учиться. Это слишком больно. И физически – тоже. В моём случае.

– Но-о-о, скотина, пошла! – хрипло горланит старина Патрик, нещадно пиная выючную кобылу. Бедняжка тужится из последних сил, налившиеся кровью глаза вылезают из орбит, пена ключьями свисает с оттопыренной губы, от надсадного хрипа разрывается сердце, сбитые копыта загибают землю. Патрик лупит её с усердием, достойным похвалы. Я могу его понять. В последнее время бедняга совсем сдал. Он очень

много пьёт. Порой я составляю ему компанию, мы надираемся на пару под старым предлогом «кто кого перепьёт», и меня приносят к Нерине тёпленького и размякшего, чтобы она меня утешила или высекла – в зависимости от настроения. Сечь она любит, это правда. У неё есть небольшая склонность к садизму, но моя девочка очень стесняется этой слабости, и мне приходится самому давать ей повод. Так безопаснее.

– Да пшла-а же ты! – надрывается Патрик, и кобылка надрывается следом, и вот так они надрываются вдвоём: старик-извозчик и выучная лошадь, вместе, в унисон. Это тоже своеобразная гармония. Я немного завидую им: мне не дано даже такой.

В этой части замка сейчас тихо: после полудня активность челяди перемещается под крышу, в кухню, мастерские, пыльные душевые залы... нет, *что это я* – в ослепительные великолепные залы, сверкающие блеском тысяч начищенных плиток, зеркал... что ещё, канделябров? Да... Нет. Нет, *нет*. Чёрт подери, один только раз Нерина имела неосторожность показать мне, как всё обстоит на самом деле, а я не могу забыть. Этой пыли, паутины, могильного холода, веющего из продуваемых сквозняком коридоров...

Залы, светлые залы. Пышность и великолепие, тепло и уют. Старина Патрик, мамаша Эклиф, выучная кобылка, мучительно кряхтящая в пяти шагах от меня. Протяну руку, коснусь тёплой шелковистой морды, влажный нос ткнётся

мне в ладонь. И я снова подумаю – с изумлением, с восхищением: чёртова ведьма!

Ведь ничего этого нет.

Интересно, неба без облаков нет тоже?.. Хотелось бы верить, что она ещё не сумела дотянуться так высоко. Хотелось бы верить, что хотя бы это она мне оставила.

Но чёрт с ним. Каждый раз я говорю себе: чёрт с ним, каждый раз встряхиваю головой, поднимаю воротник плаща (а плащ настоящий? да? ты так думаешь?), хмурюсь, твёрдым шагом пересекаю двор, иногда не удерживаясь от соблазна перекинуться парой фраз со слугами, которых, я знаю, не существует вне моего воображения – вне иллюзии, которая заменила мне настоящий мир. А иногда...

– Рэндал!

Она одна умеет так произносить моё имя. Я понял это, как только она сделала это впервые – много-много лет назад; оно спорхнуло с её губ, как мотылёк, пугливо срывающийся с лепестка за миг до того, как вы сжимаете его тонкие крылышки грубыми мозолистыми пальцами. И вам остаётся только смотреть на лениво колышущуюся головку цветка. Смотреть до тех пор, пока вы не поймёте, что это мак.

Поэтому – именно поэтому – я останавливаюсь, хотя, казалось, уже решил: чёрт с ним! – останавливаюсь и оборачиваюсь, и смотрю вверх, шурясь от нестерпимо яркого света. Ну, что на этот раз?.. Как всегда или...

Я вижу Нерину в окне ближайшей башни, на самом вер-

ху. Она высунулась в окно по пояс, наклонилась вниз, белые, как иней, волосы струятся по опрятной каменной стене. Я щурюсь сильнее, словно близорукий, стискиваю зубы, с силой кусаю себя за язык – не так давно я обнаружил, что внезапная острая боль помогает на миг сбросить оковы её чар – и действительно долю секунды вижу хищно изогнутый, обугленный скелет готовой обрушиться башни, вижу изломанные ветки мёртвого плюща у окна, вижу чёткий оскал обтянутого тухлой кожей черепа... Или не вижу. Вот, уже и не вижу. И кто разберёт, не было ли *это* плодом моих... не фантазий (здесь все свои, не надо эвфемизмов) – галлюцинаций. Да, назовём вещи своими именами. Давно пора сойти с ума, давно пора.

– Рэнда-ал! – отчаянно зовёт она и тянет вниз белоснежные руки. Я сухо улыбаюсь, посылаю ей воздушный поцелуй, она всплескивает голыми руками, сердито качает головой.

– Ты опять?!

– Опять, душа моя, опять, – говорю я сквозь зубы и отворачиваюсь. Услышала, не услышала, не важно. Она всегда говорит: «Рэндал, ты опять!», и всегда я отвечаю одно и то же, только разными словами.

– Ну перестань! – доносится до меня её низкий, бархатистый альт, когда я уже шагаю к замковым воротам. – Это уже становится просто смешно! Слышишь?!

В этом она, пожалуй, права. Мне не уйти. Я прекрасно это понимаю, но нет в мире силы, которая могла бы заставить

меня прекратить попытки. Я всё надеюсь: вдруг... вдруг настанет день и я...

– И ты *что*? – кричит Нерина из окна; кажется, она всерьёз сердится. Почему, непонятно, я ведь не уходил почти неделю.

Мне тоже это надоело, Рин, хочу сказать я. Ей-богу, так надоело. Ну отпусти ты меня. Просто – позволь мне наконец уйти. Ты же знаешь, что я тебя ненавижу. И я не верю, что тебе настолько нравится моё тело. Так зачем же ты мучаешь нас обоих? Ты ведь страдаешь тоже, я вижу. И не испытываю к тебе ни малейшего сочувствия. А от этого ещё больнее. Что же ты за человек, что ты за женщина, хоть и ведьма, если способна терпеть такое?

Я очень хочу сказать ей это. Но не говорю. Потому что ей и так известны мои мысли. Это самое малое из того, на что она способна.

На что ещё способна моя Нерина? У вас богатая фантазия? Ну так прикиньте, каким – примерно – может быть могущество ведьмы, два тысячелетия живущей в полном одиночестве на самом северном краю мира. Я подчёркиваю, в полном одиночестве. В глубине души она очень, очень стеснительна. И никогда не стала бы демонстрировать своё могущество глупому и грубому миру. Пускать пыль в глаза – это не в её духе. Вот и живёт одна. Вы спросите: а как же я? А я не в счёт. Порой я сомневаюсь, не выдумала ли она меня.

Впрочем, если верить Нерине, я не первое её увлечение.

(Она это так мило называет – увлечение. Страшно подумать, что бы она вытворяла, если бы влюбилась по-настоящему.) Раньше у неё было несколько дружков. Все они, как я понял, закончили свою дни плачевно. По правде говоря, она их попросту замучила. Может, запытала в своих уютных подвальных чиках, а может, заездила до смерти на шестиспальной кровати, которую я в последние годы ненавижу почти так же сильно, как саму Нерину. Но с ними она упорно пыталась опровергнуть народную мудрость «Насильно мил не будешь» и, как это всегда бывает в стычках с народными мудростями, потерпела поражение. Мне повезло больше. Я всего лишь не могу уйти.

Или могу?

Да, я могу. Вот и сейчас, оставляя за спиной её обиженные гортанные выкрики, я подхожу к воротам. Иствик, неуклюжий полноватый привратник с вечно тупой алебардой под мышкой, привычно клюёт носом, крепко сжимая в кулаке связку ключей. Я дружески хлопаю его по плечу, он мгновенно открывает глаза, говорит: «А! Милорд! Вы снова...», и я только усмехаюсь в ответ, хотя внутри всё холодеет от жалости, скользящей в глазах старика. Это тоже иллюзия, не правда ли, Нерина? Ты специально поставила его сюда, чтобы помучить меня ещё больше перед самым выходом... Хотя я знаю, что даже будь Иствик настоящим, живым, я видел бы в его глазах всё то же едва уловимое, несмелое сострадание.

Не надо, старина. Я самый несчастный человек в этом

проклятом месте. Знаю и без тебя.

Он вздыхает, кряхтит, отпирает свою кибитку, приводит в действие незамысловатый механизм. Ворота со скрипом опускаются. Густая коричневая пыль медленно вздымается клубами, тянется к непривычно, подло ясному небу.

Я выхожу на свободу.

Здесь другой воздух. Ещё не свободный, но уже – почти... Слева море, бездны воды, проклятой воды, по которой много лет назад мы прибыли в это кошмарное место. Спереди и справа горы. Сизые, невероятно высокие. Где-то за ними – настоящий мир. Мир живых людей, живого солнца. Где-то там осталась Гвиневер. Но она, наверное, давно уже умерла. Наш сын давно умер, и его дети, и его внуки тоже. Здесь, по эту сторону гор, нет времени. Здесь нет смерти, нет жизни, только умирание. Я когда-то слышал, что эти места называют Зимней Агонией. Зимы здесь, впрочем, тоже нет. Когда я впервые рассказал об этом Нерине, она засмеялась, но это был странный смех. Никогда больше она так не смеялась.

Я иду быстро, подняв голову, не сводя глаз с гор. Ни одному человеку не удавалось их перейти. И даже если случится чудо, даже если я дойду до них на этот раз, мне их не одолеть. Там и страшный холод, и снег, и ветер, и нет воды, и не растёт даже чертополох. Я умру в этих горах. Но лучше там. Господи, лучше бы там. На свободе.

Что? Да, я тоже думал, что это глупости, чёртовы сентиментальные глупости. Первые десять лет.

Чем дальше, тем холоднее, тем свежее воздух, тем сильнее запах моря, хотя на самом деле я от него удаляюсь. Но ещё даже близко не появилось то щемящее, почти пробивающее на слёзы чувство, когда начинает казаться, что *да, да, ДА*, я смог, слышишь, грёбаная ты стерва, я всё-таки *СМОГ!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.